

СОЦИОНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 159.923.2

Петров А. Ю., Шмойлова А. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОНИЧЕСКОГО ТИПА ДЖОНА РОНАЛЬДА РУЭЛА ТОЛКИЕНА

На основе анализа биографии и творчества Дж. Р. Р. Толкиена по юнговским дихотомическим признакам и функциям модели «А» показана его принадлежность к соционическому типу ИЛЭ («Искатель»). Дано краткое обсуждение творчества Дж. Р. Р. Толкиена в контексте проблемы квадральных ценностей.

Ключевые слова: соционика, соционический тип, квадры, квадральные ценности.

Популярность книг Толкиена в России и всем мире очень велика, а их трактовки встречаются самые немислимые — от визионерских, согласно которым Толкиен увидел другой мир, до (анти) утопических, согласно которым он выразил необычную трактовку истории 20-го века. Влияние, оказанное Толкиеном на мировую культуру, трудно переоценить — именно он заложил основы жанра фэнтэзи в его современном виде. Поэтому естественен вопрос о соционическом типе автора «Властелина Колец», «Хоббита» и «Сильмариллиона». Другая причина интереса к этой проблеме состоит в том, что, как мы ожидаем, она может пролить дополнительный свет на проблему квадральных ценностей в силу того, что многие идеи Толкиена трудно оценить иначе как программные.

Итак, что можно сказать о социотипе Джона Рональда Руэла Толкиена?

1. Анализ по юнговским шкалам

Прежде всего — интуиция или сенсорика?

Ответ — в пользу интуиции (как раз эта шкала называет минимум разногласий). Почему? Конечно, прежде всего — разработка «из головы» очень сложного мира, с историей, культурой и философией различных народов. «Мой мир появился вместе со мной», — говорит Толкиен в одном из писем. Существенно и то, что в своей программной литературоведческой работе «О волшебных сказках» [1] Толкиен говорит:

«Допустим, в рассказе говорится: «Он ел кусок хлеба». Режиссер или художник и покажут вам именно «кусок хлеба» в соответствии со своим вкусом и прихотью. Но услышавший рассказ подумает о хлебе вообще и представит его себе по-своему», — что прямо свидетельствует об интуиции, а не о сенсорике, представляющей все предельно конкретно («аромат жаркого из кролика в вине», который легко может представить себе О■ (СЛИ) [2]). Более того, вся работа [1] — гимн фантазии, творческой интуиции.

Кроме того, для Толкиена характерно такое безусловно интуитивное занятие, как придумывание искусственных языков: «Я собираюсь ни больше ни меньше как публично признаться в своем тайном пороке». С этих слов он начинает свою статью [3]. В чем же состоит этот тайный порок? В любви придумывать искусственные языки — не просто языки для повседневного использования типа Эсперанто (который Толкиен тем не менее очень высоко ценит), но языки, построенные с учетом требования красоты речи.

Об интуитивности говорит и довольно низкая оценка «практичности»:

«Практичность этих языков (языков «группы арго» и общественного дна — прим. авторов) имеет оборотную сторону — чаще всего их подхватывают юнцы (и невоспитанные взрослые), ничуть не пытающиеся понять, как устроен такой язык, даже не претендующие на то, чтобы понять его суть» [3].

Из приведенной цитаты видно, что интуитивная ценность красоты и познания для Толкиена явно выше, чем сенсорная ценность пользы (см. о мотивациях типов, например [4]). Известен также тот говорящий в пользу интуиции факт, что Толкиен «ценил бесплат-

ный стол прежде всего как знак особого уважения» [5].

Следующая проблема — логика или этика?

Явно — логика. Этические представления у Толкиена — двухцветные, черно-белые, причем этика выводится из логических норм. Действительно, в основе его взгляда на отношения между людьми лежат строгие нравственные принципы, «наша безжалостная, суровая религия» [6] — христианство. На его взгляд, движущим мотивом отношений между мужчинами и женщинами должна быть не страсть, не одни удовольствия, а «путь самоотречения и страдания» [6]. Вообще, многие цитаты из писем Толкиена, приведенные в [6], свидетельствуют о том, что он отрицательно относился к пылким чувствам и считал сильные эмоции причиной многих ошибок в межличностных отношениях:

«Поклонение Даме мешает молодому человеку видеть в женщине то, чем она является в действительности: спутницу в кораблекрушении, а не путеводную звезду, и считаться с ее желаниями, потребностями и искушениями (одно из следствий: лишившись иллюзий, мужчина становится циником). «Истинная любовь» понимается как некий обрушившийся невесть откуда огонь, как состояние постоянной экзальтации, не зависящее от столь прозаических обстоятельств как возраст, рождение детей, быт. Значение «истинной любви» непомерно преувеличивается, она как бы не связана ни с волей, ни с жизненными планами (одно из следствий: молодые люди ищут любви, которая без всяких усилий с их стороны даст им тепло и уют в этом холодном мире — и даже развод не может излечить их от этого романтического представления)».

Кроме того, о логичности Толкиена говорит его характерный стиль речи, ряд характерных примеров которого будет представлен далее. О том же говорит и история любви Толкиена — он встретил свою любовь Эдит Бретт, когда ему было 18 лет, но его опекун отец Френсис Морган запретил ему встречаться с ней до самого совершеннолетия (21 год), когда подошел срок, оказалось, что она помолвлена с другим — и Толкиен *«теперь ... не видел иного пути, как отправиться в Челтнем и уговорить Эдит порвать с Джорджем Филдом и выйти замуж за него, Рональда Толкиена»* [5].

Этот поступок — совершенно логичен. Слишком логичным, шаблонным и малоэмоциональным был и его стиль выражения чувств: *«Их с Эдит связывали искренняя любовь и понимание, но зачастую Рональд облакал эти чувства в затертые романтические клише»* [5].

Логике подчеркивает и уже цитированная статья «Тайный порок» [3] — трудно себе представить, чтобы языки со столь сложной и при этом детально разработанной грамматикой, как эльфийские Квэнья и Синдарин, мог придумать человек со слабой логикой!

«Меня как создателя, «измыслителя» языков больше всего привлекает конструирование словоформ, а в этом конструировании — сочетание звука и смысла» [3].

Конструирование, изобретение — идеальное занятие именно для интуитивного логика! Да и самое использование этого слова для характеристики своего творчества явно говорит о логике. А то, что это — конструирование не летательных аппаратов, как у другого Искателя (ИЛЭ) — К. Э. Циолковского [2], а языков — не так уж важно, причем языки, их грамматику и алфавиты Толкиен придумывал с самого детства [5].

Рациональность или иррациональность?

Этот вопрос сложнее предыдущих, но — некие выводы можно сделать. Интересно обратиться к его манере преподавания.

«... Начинает лекцию в тот самый момент, когда часы бьют 11» [5].

Кажется, рациональность? Нет. Просто сильная логика.

«Лекция течет плавно, без запинки, как рассказ. В основном он придерживается конспекта, но иногда и импровизирует» [5].

Для рационального логика импровизация нехарактерна. Затем, у Толкиена *«быстрая, не очень разборчивая речь»* [5],

– что также говорит в пользу иррациональности (для рационалов, особенно логиков, характерно выделение каждого слова). Студенты считали его *«гораздо человечнее многих его коллег, которые читали, как бы не замечая студентов»* [5], – что также свидетельствует об его иррациональности, в то время как столь неприятная студентам (не только английским!) «закрытая» манера чтения лекций, при которой лектор настолько ориентирован на свой конспект, что не обращает внимания на слушателей, характерна именно для рациональных логиков. То есть толкиеновская манера чтения лекций скорее говорит об его иррациональности.

В пользу иррациональности говорит и тот факт, что при разработке истории Средиземья во многих моментах он так и не пришёл к окончательному решению до самой смерти, в результате чего в различных черновиках истории Средиземья встречаются противоречащие друг другу версии развития сюжета.

И юмор его совершенно иррационален:

«Он мог посмеяться над кем угодно, но чаще всего смеялся над собой. Один раз на новогодней вечеринке в тридцатые годы Толкиен накрылся каминным ковриком из исландской овчины, вымазал лицо белой краской и изображал белого медведя. В другой раз он оделся англосаксонским воином, вооружился боевым топором и вышел погоняться за ошарашенным соседом.»

В старости он любил подсовывать рассеянными продавцам вместе с горстью мелочи свою вставную челюсть.

«Юмор у меня простоватый, — писал он, — и даже самые доброжелательные критики находят его утомительным» [5].

Вот так выглядела его манера общения:

«Однако большую часть времени профессор говорит довольно невнятно. Он горячится, выпаливает слова залпами. Целые фразы съедаются, комкаются, теряются в спешке. Время от времени хозяин теревбит губы рукой, отчего речь его становится еще менее разборчивой.»

Он изъясняется длинными сложноподчиненными предложениями, почти не запинаясь, — но внезапно останавливается. Следует длительная пауза.

— Видимо, от меня ждут ответа. Ответа на что? Если тут прозвучал вопрос, я его не расслышал...

Внезапно профессор снова начинает рассуждать (так и не закончив предыдущего предложения). Он с нафосом завершает свою речь. На последних словах он сует в рот трубку, договаривает сквозь стиснутые зубы и, поставив точку, чиркает спичкой.» [5].

А вот — почти идеальное описание интуитивного иррационала!

«...он снова начал говорить. Он снова рассуждает о своей собственной мифологии. Его взгляд замороженно устремлен куда-то вдаль. Похоже, хозяин вовсе забыл о моем присутствии — он сунул трубку в рот и говорит сквозь зубы, не отпуская мундштука. Мне приходит в голову, что со стороны Толкиен — вылитый оксфордский «дон», рассеянный профессор, какими их изображают в комедиях. Но на самом деле он совсем не такой! Скорее похоже, будто некий неведомый дух прикинулся пожилым оксфордским профессором. Тело может расхаживать по тесной комнатке в пригороде Оксфорда, но мысль — далеко отсюда, бродит по равнинам и горам Средиземья.» [5].

В пользу иррациональности говорит и отмечавшаяся в [5] его нелюбовь к «официозности».

Не был он и особо педантичным в лекциях. Так, во времена начала своей оксфордской жизни, он *«походил на «безумного шляпника» — ему ничего не стоило прервать лекцию на полуслове и забормотать себе под нос что-то о хоббитах и эльфах»* [7].

Экстраверсия или интроверсия?

Этот вопрос кажется наиболее сложным... И все же вывод — в пользу экстраверсии.

«Вокруг Толкиена постоянно возникали неформальные клубы» [5],

причем, уже начиная с юности, он был организатором этих клубов — склонность к собиранию людей вокруг себя в неформальные сообщества характерна именно для экстравертов, причем эти клубы имели достаточно необычную направленность — например, Толкиен *«организовал клуб с тем, чтобы убедить своих друзей, что исландская литература стоит того, чтобы читать её в подлиннике»* [5].

Из этих слов видна экстравертно-интуитивная мотивация (этот клуб, получивший название «Углегрызов», был далеко не единственным — можно вспомнить также «Чайный клуб», организованный им во время обучения в Школе короля Эдуарда, «Клуб викингов», основанный им во время работы в университете Лидса [7], и много других неформальных сообществ, среди которых наиболее известен союз «Инклингов», объединивший Толкиена, Клайва Льюиса, Чарльза Уильямса и еще несколько менее известных писателей и филологов [5, 7]). Впрочем, Толкиен не только организовывал клубы, но с удовольствием вступал и в уже существовавшие клубы — так, вскоре после поступления в Оксфордский университет он *«вступил сразу в два дискуссионных клуба — колледжское Эссеистическое общество и Диалектическое общество»* [7], что говорит об его открытом, экстравертном стиле общения с окружающим миром.

Интересен и такой момент из его юности, явно говорящий о его экстраверсии, «мотивации вовне» — в 16 лет у него *«в школе появилось еще одно, новое увлечение: дискуссионный клуб, пользовавшийся большой популярностью у старших учеников. Сам Рональд в дискуссиях прежде не участвовал, вероятно, оттого, что голос у него все еще был писклявый, мальчишеский, а также из-за того, что он уже тогда «славился» невнятной дикцией. Однако в этом триместре он, подстегиваемый новообретенной уверенностью в себе, впервые выступил с речью в поддержку целей и тактики суффражисток. Речь сочли достойной, хотя в школьном журнале писали, что его способности «несколько подпорчены плохой манерой преподнесения»* [5].

В другом докладе, на тему (вероятно, им же самим и предложенную) «О плачевных последствиях норманнского завоевания», Толкиен, по словам школьного журнала, осуждал «наплыв многосложных варваризмов, вытеснивших более порядочные, хотя и более скромные исконные слова» [5]; а в дискуссии об авторстве пьес Шекспира он *«неожиданно и без всякого на то основания обрушился на Шекспира, на его мерзкий родной город, на отвратительную среду, в которой тот жил, и на его гнусный характер»* [5].

Кроме того, во время учебы в Оксфорде он «достиг немалых успехов в регби. Он был худощав, почти что тощ, но уже научился компенсировать недостаток веса жесткостью игры. Он из кожи вон лез и добился того, что его взяли в школьную команду. А попав в команду, начал играть так, как никогда прежде. Вспоминая позднее тот год, он приписывал свои успехи рыцарскому порыву:

«Я был воспитан в романтических понятиях и относился к своему юношескому роману всерьез, а потому он стал для меня источником воодушевления» [5].

Также в [5, 7] говорится и о его «чрезмерной общительности» и «легкости в общении», о том, что он «легко сходился с людьми». Это свидетельствует в пользу экстраверсии, которая подтверждается и наблюдениями в [7] о том, что

«он как никто другой умел заразить студентов своим энтузиазмом» и был «жизнерадостным и открытым»,

а также

«с детства был дружелюбным, общительным и веселым и сохранил эти черты на всю жизнь — по крайней мере, во внешнем поведении. И в зрелые годы он мог с легкостью поддерживать беседу с кем угодно и почти на любую тему».

Что же касается известного консерватизма Толкиена, отмечавшегося в [5, 7], то он отнюдь не является аргументом в пользу интроверсии. Дело в том, что 7-я функция (а у Искателя это как раз интуиция времени) — вообще достаточно консервативна [8], стоит также отметить и общую ориентацию 1-й квадры на ахронические, вневременные ценности [9]. Кроме того, решающим моментом в восприятии истории для Толкиена была его религиозность, приводившая к известной консервативности взглядов вследствие ориентации опять

же на вневременные ценности (а также, конечно, неприятие многих обусловленных атеизмом общественных стереотипов поведения, широко укоренившихся именно в XX веке).

Таким образом, Толкиен обладал соционическим типом ИЛЭ (▲□, «Искатель»). Этот вывод может быть подтвержден анализом по функциям.

2. Анализ по функциям модели А

2.1. Интуиция возможностей

Вся статья «О волшебных сказках» [1] есть аргумент в пользу того, что именно интуиция возможностей (▲) была у Толкиена программной функцией.

«Сказочник, позволяющий себе вольности с Природой, — скорее её возлюбленный, чем раб» [1],

– утверждение поистине программное. Творческая фантазия рассматривается как главная способность человека:

«Зато творческая фантазия, которая занята другим делом (пытается создать что-то новое) может отпереть вашу сокровищницу и освободить все запертые там вещи, выпустить их, как птицу из клетки» [1].

Фантазия, свободный полет мысли, творчество оценивается Толкиеном как сила, способная освободить из оков «реальности», а именно интуиция возможностей и есть та функция, которая поднимается над текущим положением дел.

Интересно отметить и взгляд Толкиена на «эскапизм» — ярлык, который часто клеят не только андеграунду, но и вообще изобретателям, мечтателям и философам: на взгляд Толкиена, не стоит путать такие понятия, как «бегство узника из темницы и бегство дезертира с поля боя» [1], и в 1-м случае «бегство от реальности» есть поступок поистине благородный — более того, заметно отрицательное отношение Толкиена к стремлению подчиниться обстоятельствам, которое он сравнивает с взглядами тех, кто, *«похоже, предпочитает соглашения квислингов сопротивлению патриотов»* [1]

Заметим, что примерами таких «квислингов», пошедших на соглашения с злом, являются практически единственные характерные отрицательные герои Толкиена — Саруман и Грима Червеуст. Отношение же Толкиена к технике довольно скептическое, потому что он чувствует ограниченность чисто технических новаций:

«... любая вещь, о которой говорят, что она никуда не денется, в самом скором времени может быть заменена, если окажется безнадежно устаревшей или испорченной» [1]

(что опять же говорит об его характерной для 1-й квадры ориентации на вневременные ценности [8]). А программная цель человека, которую он видит, состоит в следующем:

«Самое глубокое желание человека — осуществить Великое Бегство от реальности, а значит, и от смерти» [1].

Характерна для ▲□ (ИЛЭ) и вера в позитив, в счастливый исход:

«В настоящей волшебной сказке счастливая концовка обязательна» [1].

При этом нетривиален и его взгляд на Христианство:

«Евангелие не искоренило, а осватило волшебную сказку, в особенности счастливую концовку» [1].

Именно для программной интуиции возможностей (в отличие от сильной «гамлетовской») шекспировской интуиции времени) характерен и такой момент — Толкиен вспоминает:

«горькое разочарование и отвращение своих школьных дней, вызванное тем, как бездарно распорядился Шекспир «приходом Бирнамского леса на Дунсинанский холм». Я жаждал придумать такие обстоятельства, в которых деревья действительно могли бы пойти в бой» [5].

В этом отрывке виден именно характерный для интуиции возможностей интерес «а что из этого может получиться» (отметим нетривиальность толкиеновского решения — ни у одного автора мы не встречали ничего аналогичного онтам).

О программной интуиции возможностей говорит необыкновенная (и совершенно бескорыстная) жажда познания — у Толкиена она проявлялась прежде всего в интересе к

самым разным языкам (готскому, древнеанглийскому, валлийскому, финскому, греческому, исландскому...) [5]. О том же говорит и его стиль общения (вполне характерный для Искателей):

«Толкиен так стремительно перескакивал от одной идеи к другой и вставлял в свою речь такое множество аллюзий, предполагая, что слушателю известно столько же, сколько ему самому, что все, кроме тех, кто обладал столь же обширными познаниями, попросту терялись» [5].

2.2. Логика отношений

О силе этой функции — именно как творческой, как инструмента — говорит подробнейшая разработка Толкиеном словаря и грамматики искусственных языков — эльфийских Квэнья и Синдарина (см. дискуссию о логичности выше). По мнению Толкиена, «логический аппарат языков должен быть абсолютно нетривиальным и при этом эффективным, то есть рабочим» [3]. Установка, вполне характерная для ▲□ (ИЛЭ)! Впрочем, это были не единственные придуманные им языки, и во всех языках особенно сильно его интересовала именно их логическая сторона — грамматические системы. [5].

2.3. Волевая сенсорика

В описаниях соционического типа ▲□ (ИЛЭ) многократно отмечалась такая особенность этого типа, как исключительно негативное отношение к диктатуре, абсолютной власти. Такая жесткая власть воспринимается ими как безусловное зло, которое препятствует свободному выражению творческих способностей [10]. Так и у Толкиена — Кольцо Власти есть символ величайшего зла, потому что его цель —

«... всех отыскать, воедино собрать и единою черною волей сковать» [11],

то есть установить всемирную диктатуру зла. И основная угроза бунта против Творца, по Толкиену, состоит в том, что

«отсюда рукой подать до жажды Власти, до стремления как можно скорее осуществить свои желания...» [12]

«Враг... помышляет, естественно, лишь о Власти» [13].

Стоит отметить и такую особенность ИЛЭ, как стремление прибегать к волевой сенсорике только по необходимости — по этой причине так мало волевой сенсорики в поступках положительных героев Толкиена. По этой же причине, оказавшись на фронте, Толкиен предпочел учиться на связиста, а не командовать взводом:

«перспектива иметь дело со словами, сообщениями и кодами казалась все-таки чуть более приятной, чем рутинное командование взводом, связанное к тому же с ответственностью за людей. Он выучил азбуку Морзе, сигнализацию с помощью флажков и дисков, научился передавать сообщения посредством гелиографа [Светосигнальный прибор для передачи сигналов или сообщений с помощью кода Морзе] и фонаря, пользоваться сигнальными ракетами и полевыми телефонами и даже обращаться с почтовыми голубями (они все еще иногда использовались для военной связи)» [5].

Заметим, что кроме не слишком сильной волевой сенсорики данный момент говорит и о том, что у Толкиена явно логика была сильнее этики — видно характерное именно для логики предпочтение, отдаваемое знаковым системам, а не пониманию чувств.

О не особенно сильной волевой сенсорике говорит и то, что Толкиен был совершенно никудышным водителем, попадая регулярно в мелкие аварии, он

«полностью игнорировал светофоры» [7],

а иногда

«мчался вперед очертя голову и вопил во весь голос «Прочь с дороги!» [7].

Последнее заставляет вспомнить, что 3-ю функцию иногда называют «смешной».

Для 3-й волевой сенсорики вполне характерна неуверенность в своих силах, приводящая к «стремлению завладеть всем вниманием собеседника» [9]. Так и Толкиен *«желал, чтобы друзья уделяли ему все внимание безраздельно... чужие успехи и слава легко пробуждали в нем чувство неудовлетворенности собой» [7].*

2.4. Этика отношений

Согласно взгляду Толкиена, отношения между людьми искажены, слишком отравлены злом [6].

«Наш мир — это падший мир, и один из главных симптомов Падения — это искажение полового инстинкта» [6].

Вообще, его взгляд на отношения между людьми очень консервативен — к пылким чувствам отношения отрицательные, а главное достоинство истинной любви состоит в верности [6]. Примерами такой верности являются такие пары героев его книг, как Берен и Лучизнь, Арагорн и Арвен — в обоих случаях во имя любви один из возлюбленных должен был пожертвовать эльфийским бессмертием, уйдя на путь людей (интересно, что на могиле Толкиена и его жены Эдит написано «Берен и Лучизнь»). В пользу того, что этика отношений у Толкиена — болевая функция, говорит и то, что граница между Добром и Злом в его книгах чрезвычайно резка, компромисс между ними невозможен, а тот, кто не в силах разделить Добро и Зло, обречён погибнуть (Феанор, Боромир). Об этом же говорит то, что он не умел *«убедительно писать об отношениях между полами»* [7]. Да и вообще, его внимание сконцентрировано не на внутреннем мире героев (что было бы характерно для этиков), а на их поступках.

Временами Толкиен (как и многие другие ИЛЭ) был довольно нетактичен — так, в свое время именно под его влиянием Клайв Льюис (впоследствии — автор «Нарнии») обратился в христианство, а потом *«Льюис сделался весьма популярен (слишком популярен, на его собственный вкус или на чей-либо из наших», — замечал Толкиен) благодаря своим христианским работам, «Страдание» и «Письма Баламута».* Возможно, Толкиен, видя растущую славу своего друга, чувствовал себя учителем, чей ученик внезапно обошел его и добился почти незаслуженного триумфа. Однажды он не слишком-то лестно назвал Льюиса *«популистским богословом»* [5].

Уже приводился отрывок, свидетельствующий о том, что юмор Толкиена был несколько грубоват.

В то же время он был очень стеснителен в «светском» общении — как-то раз он должен был познакомить свою жену Эдит с супругой профессора Райта, привел ее к парадному Райтов, сам позвонил в колокольчик и *«поспешно юркнул за угол»* [5], своим он был только в обществе коллег.

2.5. Сенсорика ощущений

Как говорит о себе сам Толкиен,

«Вообще-то я хоббит (разве что рост великоват). Я люблю деревья, сады и немеханизированные сельские просторы. Я курю трубку и с удовольствием поглощаю простую деревенскую еду, а французскую кухню не выношу. Обожаю вышитые жилеты и даже осмеливаюсь носить их в наши скучные серые дни» [5, 13].

Известно и то, что он одевался крайне неброско, терпеть не мог щегольства и экстравагантности в одежде [5] и

«не придавал никакого значения красоте в домашней обстановке» [7].

Все это свидетельствует о слабости сенсорики ощущений (консерватизм сенсорных вкусов Искателя отмечался, например, в [9]).

2.6. Этика эмоций

Для Толкиена, как и для других ИЛЭ, характерна жажда конечной победы добра и крайне отрицательное отношение к пессимизму и к смакованию негативной стороны мира. Помимо уже упоминавшихся слов

«В настоящей волшебной сказке счастливая концовка обязательна» [1],

об этом говорят такие слова:

«Художественное произведение возникает вовсе не из человеческих слабостей, а из неких «незамутненных» уголков души. Современные «критики» полагают, что Бетховен обманывал»

вал заказчика и злостно третировал своего племянника. И что же? Не верю, что эти подробности имеют какое-то отношение к его музыке» [13].

Отметим, что эти слова — прямой вызов частой (особенно характерной для ИЛИ, Критиков) склонности искать у всего оборотную негативную сторону. О той же жажде победы добра говорит и ключевое понятие толкиеновского мира — идея Эстель, Великой Надежды [14] — надежды на конечную победу Добра над Злом, на выправление Искажения мира. Надежды, которую нельзя оставить, потому что её отсутствие обесмысливает жизнь. Надежды на «эвкатастрофу» — решающее изменение мира к лучшему [1].

Любопытны и его собственные эмоциональные переживания:

«... его природный оптимизм отныне уравновешивался глубокой внутренней неуверенностью. Быть может, именно потому он не знал умеренности ни в чем: любовь, интеллектуальный восторг, отвращение, гнев, неверие в собственные силы, чувство вины, веселье — любая страсть поглощала его целиком и полностью, и в тот момент ни одна другая эмоция не могла послужить сдерживающей силой. А потому Толкиен был человеком крайностей. Пребывая в депрессии, он чувствовал, что надеяться не на что ни ему, ни всему миру; и, поскольку зачастую именно депрессия побуждала его поверять свои чувства бумаге, дневники Толкиена, как правило, отражают только мрачную сторону его натуры. А пять минут спустя, оказавшись в обществе Друга, Толкиен забывал обо всех черных мыслях и снова приходил в превосходное расположение духа» [5].

Данный отрывок блестяще иллюстрирует характерную особенность Искателя: *«слабое умение самому справляться с плохим настроением и апатией. Периодическая хандра и упадок сил. Эмоциональная поддержка со стороны близких людей принимается с благодарностью»* [15].

2.7. Интуиция времени

У ИЛЭ она консервативна, см. интерпретацию 7-й функции в [8].

В случае Толкиена это проявлялось в его крайне скептическом отношении к техническим новинкам:

«для него железные дороги — это пыль, шум и изуродованный ландшафт» [5],

в пренебрежительном отношении к газетным «новостям», так как, по его мнению,

«правда встречается только в литературе» [5],

в том, что он *«не любил ни современную литературу, ни театр, ни кино; современная политика его не интересовала»* [7], в неприязненном отношении к попыткам увидеть во «Властелине Колец» политический памфлет (см. комментарии в [16]). О силе этой функции также говорят детально разработанные хронологии и генеалогии Средиземья.

2.8. Логика действий

В пользу силы логики действий у Толкиена говорит то, что он был блестящим лектором и профессором [5], а также необычайная тщательность в разработке конструкции мира — Средиземья, практически лишённого логических противоречий, и отмеченное в [7] его стремление *«постоянно исправлять и улучшать»*. При этом для Толкиена совершенно не характерна ориентация на «полезность», отличающая программную логику действий, — он никогда не относился к литературе как к средству зарабатывания денег (и история первой публикации «Властелина колец» крайне запутана именно в силу того, что целостность авторского замысла имела для него приоритет перед практической пользой, подробно эта история описана в [5,7], вообще, *«мир бизнеса был для него чужд и неприятен»* [7]), а статусные мотивы у него вызывали скорее иронию. Так, о присуждении ему одной из высших премий в области фантастики он отзывался крайне иронически: *«Возможно, вас позабавит, что я вдруг (без какой бы то ни было инициативы с моей стороны) оказался лауреатом Международной премии фэнтези, присужденной (как утверждается) «в качестве достойной кульминации пятнадцатого Всемирного конвента научной фантастики». Все это свелось к ланчу с речами в «Крайтерионе» вчера и к вручению нелепого «приза». Массивная металлическая «модель» установленной перпендикулярно ракеты (в комплекте с зажигал-*

кой «Ронсон»). Однако речи оказались куда более осмысленными, особенно вводная, — ею блеснула Клеменс Дейн, монументальная дама наружности просто-таки ситвеллианской. Присутствовал сам сэр Стэнли собственной персоной. Поскольку особой пользы в призе я не видел (кроме как реклама=продажи=наличные), я поместил его в витрину дома №40 по Мьюзиум-Стрит» [17].

Итак, Толкиен — ИЛЭ (▲□, «Искатель»). Не совсем обычный — ведь утвердился стереотип, что ИЛЭ — это что-то крайне любящее новации, особенно технические (что подчеркивают псевдонимы «Изобретатель», «Новатор»...). Однако, во-первых, «изобретателем» Толкиена назвать можно — так как он заложил основы жанра «фэнтэзи» в его современной форме и он же создал образец совершенства в этом жанре, до сих пор никем не превзойденный. Во-вторых, как уже говорилось, идеал Искателей имеет прежде всего вневременную форму [9].

3. Проблема квадральных ценностей в литературе и книги Толкиена

В заключение рассмотрим творчество Толкиена с точки зрения квадральных ценностей. О мировоззрении, характерном для различных квадр, сказано уже довольно много [2,4,9,10]. И это мировоззрение, конечно же, проявляется в литературе, выражая мировосприятие авторов («Мадам Бовари — это я!» — любил говорить Флобер). Поэтому для каждой квадры существуют художественные произведения, наиболее адекватно выражающие её дух.

Программная установка 1-й квадры — оптимизм, надежда (так и хочется написать — Эстель), позитивные идеалы, вера в мировую гармонию [2]. Типичными примерами литературы 1-й квадры являются рассказы Роберта Шекли (ИЛЭ), особенно его, на наш взгляд, программный рассказ «Человекоминимум», в котором, как у Толкиена, последняя, отчаянная надежда приводит главного героя к победе. Сюда же относятся и повести Владислава Крапивина (также ИЛЭ). Сюда же относятся и произведения Толкиена — романтические устремления, вера в чистоту чувств, понимание невозможности компромисса между добром и злом — именно это характерно для наиболее ярких героев Толкиена: Гэндальфа, Арагорна, Финрода, Эарендила... Любопытно отметить, что претензии, которые ряд литературных критиков предъявляет книгам Толкиена и Крапивина, а также ещё одного ИЛЭ — Франсиса Карсака — совпадают почти слово в слово: чрезмерно идеальные герои и мотивы, «чего в жизни не бывает», а то и поиск диктаторских черт у описанных ими обществ... Именно мир Толкиена стал эталоном литературы первой квадры (можно вспомнить, что описания ряда сказочных стран у Крапивина, например, в «Рыцаре прозрачного кота» и «Портфеле капитана Румба», чрезвычайно напоминают картины из «Хоббита»).

Программная установка 2-й квадры — трагизм. Существование идеала признается, но этот идеал чрезвычайно плохо вмещается в жестокий окружающий мир, что обуславливает трагичность ситуации. Примерами такой литературы являются книги Гёте, Шекспира, Лермонтова, а из мира фэнтэзи — муркоковский сериал о Вечном Воителе, самый же яркий пример из литературы, написанной «по мотивам» Толкиена, — «Черная Книга Арды» Элхэ Ниэннах (Натальи Васильевой), при этом как Муркок, так и Элхэ Ниэннах, принадлежат к социотипу ЭИЭ (Наставник). Стоит отметить, что «Черная Книга Арды» представляет собой попытку переосмыслить Толкиена с позиций второй квадры (в том числе и опыта нашей истории, в котором очень сильны второквадренные мотивы), наиболее удачные на наш взгляд статьи, посвященные анализу «Черной Книги Арды», представлены в [18] (см. по этой теме также многочисленные тексты на сайтах Арды-на-куличках, <http://www.kulichki.com/tolkien>, и Библиотеки Тол-Эрессеа, <http://eressea.ru>)

3-я квадра имеет очень характерную для нашего времени установку: идеалов не существует, а то, что нам кажется ими, — лишь иллюзия или элемент неких игр. А цель героя — просто выжить любой ценой, ибо выживает сильнейший. Эта позиция наиболее противоречит взглядам первой квадры, не случайно при этой позиции появляется желание противопоставить «парадному портрету» толкиеновского мира «правду жизни», реализованную в книгах Сапковского — носителя соционического типа ИЛИ (подобное противопоставление

осуществлено в [19]). В литературе, написанной «по мотивам» Толкиена, самые яркие примеры такой позиции — «Кольцо Тьмы» Н. Перумова (ИЛИ, Δ ■, «Критик») и «По ту сторону рассвета» О. Брилевой (ЭСИ, \square ●, «Хранитель»).

Наконец, 4-я квадра имеет программную установку, состоящую в умозрительности добра и зла. Решающее значение имеет теперь внутренний выбор героя между добром и злом, приводящий иногда к разрешению фундаментального противоречия в мире. Эта идея, хотя и близка взгляду 1-й квадры, тем не менее отлична от неё в силу того, что в то время как для 1-й квадры характерно разделение сторон на позитивные и негативные, для 4-й квадры более характерно стремление интегрировать воедино различные элементы разделенного мира. Самым типичным автором, воплощающим эти идеи, является Урсула Ле Гуин — представитель соционического типа \square ▲ (ЭИИ, «Гуманист») (о параллелях между творчеством Урсулы Ле Гуин и Толкиена см. [20]). Наиболее же яркий пример в литературе, написанной «по мотивам» Толкиена, — «Пестрая книга Арды» (<http://allor.ramot.ru/book.htm>) И. Аллор (ИЭЭ, \blacktriangle □, «Советчик»). Сейчас эта книга готовится к изданию под названием «Девятое кольцо».

В результате можно сформулировать вывод: Джон Рональд Руэл Толкиен — носитель соционического типа ИЛЭ (\blacktriangle □, «Искатель»). При этом его идеи выражают сущность этической концепции 1-й квадры, а некоторое отличие его взглядов на мир от взглядов многих других ИЛЭ естественно объясняется его религиозностью.

Авторы признательны Е. И. Осиповой за помощь в поиске биографических материалов.

Л и т е р а т у р а :

1. Дж. Р. Р. Толкиен. О волшебных сказках. / Дж. Р. Р. Толкиен. Сильмариллион. — М, АСТ, 2001.
2. Е. С. Филатова. Соционика для вас. — Новосибирск, «Сибирский хронограф», 1994.
3. Дж. Р. Р. Толкиен. Тайный порок. / Дж. Р. Р. Толкиен. Сильмариллион. — М, АСТ, 2001.
4. Гуленко В. В. Гарантии продуктивного обучения // <http://ru.laser.ru/socion/references/gulenko/education.html>
5. Карпентер Х. Джон Р. Р. Толкиен. Биография. — М, ЭКСМО-Пресс, 2002.
6. Дж. Р. Р. Толкиен. Из письма к М. Толкиену / Дж. Р. Р. Толкиен. Письма. — М., ЭКСМО, 2004.
7. Уайт М. Джон Р. Р. Толкиен, Биография. — М, ЭКСМО, 2002.
8. Гуленко В. В. Архетипическая трактовка модели психики в соционике // http://ru.laser.ru/authors/ss/gulenko/Co_4.txt
9. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Юнг в школе. — Новосибирск, Наука, 1998.
10. Гуленко В. В. Квадральные ценности. // <http://ru.laser.ru/authors/ss/gulenko/Valu.txt>
11. Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец. — СПб, Северо-Запад, 1992.
12. Дж. Р. Р. Толкиен. Из письма М. Уолдмену / Дж. Р. Р. Толкиен. Сильмариллион. — М, АСТ, 2001.
13. Дж. Р. Р. Толкиен. Из письма Д. Уэбстер / Дж. Р. Р. Толкиен. Сильмариллион. — М, АСТ, 2001.
14. Дж. Р. Р. Толкиен. Речи Финрода и Андрет // http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finrod.shtml
15. Горенко Е. А., Толстиков В. И. Природа собственного «Я». — М., 2000.
16. Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец. — СПб, Терра-Азбука, 1994.
17. Дж. Р. Р. Толкиен. Из письма к Кристоферу и Фейт Толкиен / Дж. Р. Р. Толкиен. Письма. — М., ЭКСМО, 2004.
18. Шрейнер И. Феномен ниеннизма // <http://www.tolkien.spb.ru/articles/rggu19.htm> ; Гэллемар, Хольгер. Аксиоматика фэнтезийных миров // <http://eressea.ru/tavem7/inf-0005.shtml>
19. Скулачев П. Правда о «Золотом Лесе» // <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/fandom/skul1.shtml> ; Реверс мечты // <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/fandom/avers.shtml>
20. Шурмиль Э. А. Антиномия Добро — Зло в произведениях Дж. Р. Р Толкиена и У. Ле Гуин // <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/antinom.shtml>); Хольгер, Моризель. Мир Урсулы Ле Гуин и мир Толкиена // http://dragons.poggio.ru/ar_ursula.htm.

Статья поступила в редакцию 30.10.2006 г.